

Халил Каравели (Турция–Швеция), руководитель проекта по Турции Института по изучению Центральной Азии и Кавказа при университете Джона Хопкинса — по электронной почте из Стокгольма: Блокада боевиками Исламского государства, населенного курдами города Кобани в Сирии, была в центре внимания на Ближнем Востоке в течение всей осени. Последствия этой блокады имели весьма негативные последствия для региона. В противостоянии курдов и исламистов выявилось турецкое отношение к проблеме. Стало очевидно, что политика Анкары в Сирии имеет четкую антикурдскую направленность. Турция отказалась предоставить помощь курдам, сражающимся с боевиками в Кобани. Это привело к беспорядкам курдов в самой Турции и подорвало решение курдского вопроса для страны.

Сдерживающим фактором стало то, что США нанесли серию ударов с воздуха по Кобани, что помогло сдержать натиск исламистов. Но *Исламское государство* не может быть повержено с воздуха. Если бы Кобани пал, курдское восстание захлестнуло всю Турцию и повергло страну в хаос. Американские авиаудары на время сдержали подобные риски.

восьмерками и двадцатками мы наблюдаем почти броуновское движение, в котором возникают союзы, немыслимые еще пять лет назад. А институты, казавшиеся ключевыми (например, ОБСЕ или ПАСЕ) оказываются в общем-то никому особенно не нужными, почти фикцией. Этот мир раздражает, этот мир стремится объявить *флуктуацией*, результатом деятельности одного политического лидера, якобы закомплексованного и изолированного. Но, согласимся, к ноябрю 2014 г. этот мир стал существенно более реальным и операционно пригодным, нежели был в марте-апреле 2014 г., когда российский триколор поднялся над Крымом. Этот мир отвоёвал себе вполне приличное пространство для развития, причем как в политическом плане, так и в экономическом. Собственно, в этом главная суть геополитических и силовых процессов, которые мы наблюдали, начиная с весны 2014 г.

МЕЖДУНАРОДНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ: ОТ ПРОЦЕССНОСТИ К ПРОЕКТНОСТИ

Разница между новым миром и, условно, старым проста донельзя. Последние 15 лет мир в той или иной степени существовал в рамках процессности. Это требовал и финансовый капитализм, который в принципе не предполагает конечного результата, просто перерастание одного процесса в другой, и *новый мировой порядок*, где только США имели право на силовые действия, да и *глобальная политика* в целом, где доминировали США, их сателлиты, а главное, — американское глобальное видение. Все это называлось стратегическим развитием, но таковым совершенно не было. Все разговоры о наличии какой-то глубоко проработанной долгосрочной стратегии по большей части оказались лишь разговорами, которые прикрывали всего лишь суету. Которая, суета, оказалась совершенно деструктивной, что в мировой экономике, что в мировой политике. Процессность — это не стратегия; это всего лишь изначальная фиктивность прогнозируемого результата. Такой мир мог существовать сравнительно долго, но только до первого кризиса. Потому, что кризис — это всегда развитие, а фиктивность и процессность развития не предусматривают.

Начинается время проектности. Политической, экономической, гуманитарной и силовой. Проектность, порой, бывает, хаотична, поскольку проекты не всег-

да ложатся в какую-то единую линию. Не все проекты оказываются удачными. Но проект предполагает движение из пункта А в пункт Б, в котором четко понятны и тот и другой. Проект может не получиться, сорваться (как например, сорвался пока в результате интриг интересный проект создания Евразийской атомно-энергетической корпорации), но он должен быть прозрачен, логичен, конкретен и конечен. Проектность, в конечном счете, — это тактика, возведенная в статус стратегии и ставшая системной основой планирования.

В сфере международной безопасности переход от процессности к проектности будет более болезнен, чем где-либо. Слишком много в этой сфере *процессов*, слишком мало, вернее, почти нет, *проектов*, а главное — под процессы были сконфигурированы многие международные и наднациональные институты.

И как тут не задать несколько, казалось бы, странных вопросов, касающихся современной мировой политики и глобальной безопасности, причем только в той ее части, которая в значимой форме проявилась в последние полгода:

- ❑ Российско-китайское стратегическое партнерство — это процесс или проект? Хотя, справедливости ради, этот вопрос надо будет задать лет через пять: пока нас в данном случае устроит и процесс.
- ❑ Расширение НАТО — это процесс или проект? Хорошо бы на этот вопрос ответило обновленное руководство альянса.
- ❑ Развитие ОДКБ — это процесс или проект? Вообще история ОДКБ — это хороший пример, чтобы продемонстрировать разницу между военно-политическим процессом и военно-политическим проектом. ОДКБ — это, конечно, процесс, причем процесс, который уже давно не имеет даже формально обозначенного ориентира. А вот создание *силового коридора* (назовем его *коридор безопасности* — суть от этого не изменится) на Армению и формирование принципиально новой геополитической ситуации на южных подступах к России — это проект¹³. Причем очень важный, хотя пока он выглядит несколько нереалистично — всего лишь как элемент информационного давления на Грузию.
- ❑ Американская военная гегемония — это процесс или проект? Правда, боюсь, что даже сам Барак Обама полноценно на этот вопрос ответить не сможет. Настолько переплелись в американской военной мощи виртуальное и реальное. Думается, что то прискорбное обстоятельство, что американские политики и сами утратили способность отличать *виртуальный*, фактически выдуманный потенциал США от реального, и является одним из наиболее важных дестабилизирующих факторов в современной глобальной безопасности.
- ❑ Формирование ЕАЭС и наполнение его — неизбежное, впрочем — политическим содержанием — это процесс или проект? К слову, от ответа на этот вопрос будет зависеть, как далеко мы можем пойти на уступки нашим партнерам, которые, кажется, наглеют.
- ❑ И наконец, нераспространение ядерного оружия, контроль над имеющимися ядерными потенциалами — это процесс или проект? Если это процесс, тогда многое в глобальном нераспространении в последние 10 лет становится понятно, нужно просто успокоиться и не мешать умным людям заниматься своими делами.

Когда мы честно ответим на эти вопросы, современная картина мира, которая, согласимся, в последние полгода покрылась толстым слоем информационного тумана, когда не понятно не только то, что хотят сделать крупнейшие игроки мировой политической сцены, но даже то, что они хотят, чтобы другие думали про их планы, станет чуть прозрачнее. Во всяком случае начнут проступать контуры тех институтов мировой политики, которые имеют шанс на влияние в новой геополити-

тической обстановке. Нам эти контуры могут, конечно, и не понравиться, однако это будут контуры реальности.

ЯДЕРНОЕ ОРУЖИЕ: КАК ФЕНИКС ИЗ ПЕПЛА

Кто бы мог предполагать еще недавно, что столь большое внимание в мире будет уделяться ядерному оружию. Еще пару лет назад вполне серьезные специалисты писали о том, что военное значение ядерного оружия исчерпано, а политический его потенциал близок к исчерпанию. И для таких умозаключений, надо сказать, были определенные базовые основания. Дело тут не только в том, что на наших глазах в сферу активного использования были введены принципиально новые виды вооружений. В действительности *революция беспилотников* в том, что касается непосредственно *поля боя*, имела меньшие последствия, нежели *революция танков* или *ракетная революция 1960-х*. И дело не в том, что по своему разрушающему воздействию высокоточное дальнобойное оружие оказалось сравнимо с ядерным. Это еще одна из легенд-иллюзий 1990-х. Дело в том, что новая военно-техническая революция прежде всего произошла в умах, а главное — стала продолжением того образа политики, который так нравился нашим западным партнерам. Эта идея *бесконтактности* ведения войны, почти компьютерная *стрелялка*, в которой гибнут только *злодеи*, а главный герой имеет неограниченный запас жизни и распоряжается бесконечным количеством почти никогда не промахивающегося оружия, действительно завораживала.

А в сущности речь шла о том, что войны *нового мирового порядка* для Запада уже просто не могут носить даже намека на тотальность, а само применение силы становится инструментом вторичным по сравнению с политическими, экономическими и информационными.

Теперь посмотрим на реалии сегодняшнего дня. За последний год именно ядерное оружие и средства его доставки стали важнейшими средствами поддержания напряженности между ведущими мировыми державами. Напряженности, которая в действительности удержала мировую стабильность и не дала возможности некоторым энтузиастам *нового мирового порядка* принять решения, после которых ситуация перешла бы в фазу прямой конфронтации. Такой вот парадокс. Но история ядерного оружия соткана из таких парадоксов.

Да, конечно, именно Россия постоянным акцентированием своего ядерного статуса выступает застрельщиком данного процесса, то запуская *Булаву*, то пугая НАТО бомбардировщиками, которые еще недавно называли *нафталиновыми*. Россия вообще чуть ли не каждую неделю демонстрирует Западу свой ядерный потенциал. Запад, конечно, поначалу отшучивается, делает вид, что это всего лишь забавы городских хулиганов, но исправно поднимает на перехват российских бомбардировщиков. Такое ощущение, что наши западные партнеры переживают некий культурный шок: кто-то вдруг стал играть с ними в силовые игры не по их правилам...

Напомним, что это происходит на фоне бесконечных разговоров о неких *гибридных войнах*, которые на деле являются перевернутой и наполненной исчерпывающим силовым содержанием рефлексией американской стратегии *цветных революций*. Правда, что интересно, в гибридных войнах отсутствует, причем, как правило, с обеих сторон, позитивное политическое содержание, и этот феномен, вероятно, нуждается в дополнительном изучении.

Думается, главной целью российской политики было не поугагать Запад или снять *пиар-сливки* с темы ядерной мощи России (хотя и этот аспект отрицать было бы крайне глупо), а приучить наших западных партнеров к тому, что они теперь живут в мире, где и они уязвимы, и воевать придется, если придется, конечно, не беспилотниками в виртуальном режиме с неизменным *американо* в картонном стаканчике, а ядерным оружием. И, кажется, Россия своего добилась. Последние испытания систем ПРО и маневры с использованием носителей ядерного оружия,

Нандан Унникришнан (Индия), директор по евразийским исследованиям, старший научный сотрудник Исследовательского фонда *Obsever* — по телефону из Нью-Дели: Индия заблокировала в ВТО соглашение по упрощению процедур торговли. Позиция Нью-Дели прежде всего связана с вопросами субсидий для производства продуктов питания, особенно сельскохозяйственных субсидий. В Индии принят и действует так называемый закон *Right to Food* — *Право на еду*, в соответствии с которым правительство страны должно обеспечивать бедные слои индийского общества минимумом продуктов питания. Нормы ВТО предполагают, что Индия должна отказаться от этих продовольственных субсидий. Но страна не может этого сделать не только по экономическим, но и по политическим соображениям. Отменить или упразднить этот закон в ближайшем будущем было бы политическим самоубийством любого правительства. К тому же это закон, и его нельзя просто так взять и отменить. Над этим вопросом важно работать, что займет определенное время.

Есть и другая причина позиции Индии, занятой по соглашениям ВТО. Многие страны члены ВТО являются участниками других различных блоков и организаций. Например, активно развиваются такие торгово-экономические организации, как Транстихоокеанское партнерство, Трансатлантическое партнерство ЕС и США, партнерство США, Японии и Южной Кореи, что в определенной степени противоречит принципам и стандартам ВТО. Индия не уходит от этих вопросов, а понимает и обсуждает их в ходе встреч ВТО. Ведь речь идет не о некоем несущественном соглашении, а о значимом соглашении по упрощению процедур торговли ВТО. Исходя из этого важно рассматривать весь комплекс вопросов в совокупности. С этим и связана позиция Нью-Дели по данному соглашению.

Безопасность в Южной Азии осенью 2014 г. во многом будет зависеть от того, как разрешится ситуация в Афганистане и кто станет новым президентом страны. В Индии с большим вниманием следят за развитием ситуации в Афганистане. Пока никто не делает никаких прогнозов по поводу того, кто займет пост президента, так как нет единого понимания. Но выстраивать отношения государствам Южной Азии придется с любым правительством Афганистана.

которые мы наблюдали в США, говорят о том, что в Вашингтоне начали понемногу принимать новые геополитические реальности. И не только в Вашингтоне, как следует, например, из развития российско-китайских отношений.

Отметим, однако, несколько важных деталей, касательно недавних *упражнений* Кремля с ядерным оружием:

- Ядерное оружие — оружие статус-кво. Времена, когда угрозой применения ядерного оружия пытались изменить статус-кво, остались в 1950-х вместе с Корейской войной. Но ведь Россия — это страна, которая как раз и пытается изменить статус-кво, как нам говорят наши западные партнеры. Или они говорят нам не всю правду?

- Политический статус ядерного оружия будет *неполный*, пока не будет сформирован обновленный *военный* статус. А для этого нужны и другие модели применения ядерного оружия, и другие средства. Так что пока российский ядерный активизм — это заявка на новый статус ядерного оружия, но еще не сам статус.
- В России господствует мнение, что ядерное оружие дает возможность обеспечить безопасность страны и ее устойчивость к внешнему давлению более дешевыми средствами, а не развивать обычные вооружения. Отнюдь. Ядерное оружие имеет значение, только если оно базируется на определенном сбалансированном фундаменте. Оно не может и не должно быть ни главным, ни единственным компонентом национальной силовой мощи.

Поэтому, открывая *ядерный чемоданчик*, надо исходить из того, что ядерное оружие — дело сложное, серьезное и обоюдоострое. А главное — оно совершенно не терпит так любимого современными политиками внешнеполитического пиара. Это, если хотите, тест для российской власти на геополитическую состоятельность.

ВАЛДАЙ И СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ПОВОРОТ

Валдайская речь В.В. Путина, по иронии судьбы произнесенная в олимпийском городе Сочи, стала одним из наиболее ярких событий последнего времени. Некоторые считают, что президентом была сформулирована программа развития российского общества в условиях конфронтации. Споры нет, выступление президента Путина фундаментальное, оно обращено не только к мировым политикам и общественности, но и внутрь страны. Правда, несколько смущает выбранная площадка: президенту внимали в основном иностранцы, чей пик на политическом и политологическом *Олимпе* прошел минимум лет десять назад. Согласимся, этих людей мы наблюдаем в разных конфигурациях, как минимум, лет двадцать, а некоторых — с середины 1980-х гг. Конечно, у многих за плечами *славное прошлое*, но именно прошлое. Но сейчас это просто еще одна экспертная тусовка, коих по миру разъезжает штук пятьдесят.

Тогда в чем же заключался смысл речи президента В. Путина на *Валдае*? Думается, что, помимо ставшей традиционной формулы *но наш бронепоезд...*, в действительности смысл речи заключался в обозначении рамок того, как далеко готова пойти Россия в ужесточении отношений с Западом. И в этом смысле наличие у присутствующих на форуме фантазии становится, скорее, *плюсом*, нежели *минусом*.

Итак, какой же новый контекст продемонстрировал иностранным политологам В.В. Путин? Кремль исходит из того, что с Западом поссорились *всерьез и надолго* и что ключ от Европы находится в США. Фактически Владимир Путин признал неудачу более ранних попыток России добиться от Европы проведения минимально самостоятельной политики. Москва *умывает руки* и оставляет европейцев *собирать черепки* и выплачивать *сланцевую дань* США. Характерно, что сразу же после выступления Владимира Путина на *Валдае* *косяком* пошли сообщения о сокращении добычи нефти и газа в России и о проблемах с поставками ее в Европу *по погодным условиям*.

- России новая *холодная война* не нужна. Своих внутривнутриполитических целей российский правящий слой достигнет и без прямой конфронтации с США. И не будет делать никаких провоцирующих действий в отношении Запада, как бы Россию к этому не подталкивали. Но одновременно никаких значимых уступок ради снятия вероятности новой *холодной войны* Кремль тоже делать не будет.

- Россия не будет инициировать новые силовые элементы в рамках отношений с США и Западом. Кремль призывает остаться в рамках политической полемики, не расширяя *силовую зону взаимодействия*, хотя, вероятно, существуют альтернативные идеи на этот счет.
- Игра Запада на провоцирование раскола в российской верхушке Кремлем увидена и услышана. Если объективно, после *бунта либералов* на Сочинском экономическом форуме ее трудно было не увидеть и не услышать. И если Запад будет дальше пытаться играть по этой линии, он может лишиться привычных для себя партнеров в российской элите, а с ними и остатков влияния.
- Практика *сотрудничества по частностям*: здесь сотрудничаем, здесь не сотрудничаем, — которую обозначил Вашингтон, Россию не устраивает. Россия готова к разговору по ключевым направлениям сотрудничества с США, но именно в комплексе и именно на основании российского понимания базовых оснований взаимодействия. И *раздергать повестку дня* у США уже не получится.

Это, конечно, не подготовка пейзажа к *холодной войне*. Напротив, это демонстрация сохранения сравнительно большого политического и военно-политического пространства для сотрудничества. Но это, кажется, демонстрация того, что в дальнейшем Россия не будет рассматривать экономические факторы в отношении с Западом, прежде всего с Евросоюзом, в качестве доминирующих. Если предположение верно, то вот это уже действительно *новый мир*, причем мир жесткий и динамичный.

УКРАИНСКИЙ КРИЗИС КАК СИМПТОМ ГРЯДУЩЕГО

То, что ситуация на Украине — это надолго и что в перспективе она должна закончиться уже не федерализацией, а как минимум конфедерализацией, кажется, стало ясно даже самым ярлым апологетам украинской государственности, еще вчера доказывавшим, что с уходом *донбасского быдла* страна превратится в монолит. Не превратилась. А главное, в монолит не превратилась даже элита этой страны, причем по обе стороны фронта. Если посмотреть на политиков Новороссии, мы увидим примерно те же *родимые пятна* украинской политики. Ничего, что не было бы предсказано раньше с Украиной, в действительности не происходит. Другой вопрос, что события развиваются почему-то по *наихудшему* сценарию, а это демонстрирует, что все участники этой трагедии живут исключительно *здесь и сейчас*, даже не *завтра*, а тем более не *послезавтра*. А то, что они всерьез верят, что их откровенно провинциальная, по-плохому, политика является важной частью глобальной политики... Виртуальная жизнь украинской элиты была бы, однако, еще интереснее, если бы пролитая и еще прольющаяся кровь, причем особенно людей, не имеющих никакого отношения к Украине, тоже была виртуальной.

Самое интересное в истории кризиса на Украине заключается даже не в судьбе украинской государственности. Это, конечно, важный вопрос, но не такой, чтобы он очень волновал кого-то из *сильных мира сего*. Украинское государство последних десяти лет — это, скорее, некий эксперимент по строительству полностью *сетевой государственности*, государственности антиерархичной. На удивление и зависть политологам проект получился. Обратите внимание: Украина является первым в мире государством, где даже вооруженные силы построены по сетевому принципу. Украинские вооруженные силы действуют вообще без единого командования. Да оно им и не нужно — от него, как утверждают буквально все, одно зло. У их оппонентов, впрочем, ситуация немногим лучше, но все же лучше. И что самое интересное, само по себе украинское общество, похоже, больше заинтересовано в поддержании сверхвысокого уровня политического экстаза, нежели в развитии собственного государства.

Но тогда мы вправе допустить, что никто из участников этой трагедии не заинтересован в том, чтобы не то чтобы реверсировать ситуацию, но даже вывести ее из силового русла. Потому что силовая политика на Украине, известная любому историку как *атаманщина*, не предполагает результата. Она бесконечна, заунывна и кровава. Она будет продолжаться, пока не придет настоящая — иерархическая — сила и не разгонит по углам (а в основном под землю) основных участников сетевого *военно-политического процесса*. Как это и произошло в 1920 г. По другому тогда стоит смотреть на *Минский политический процесс*, который и не должен в таком случае вести к какому-то результату.

Самое важное в украинском кризисе — то, что он развивался по законам *управляемого хаоса*, стратегии, так любимой *нашими уважаемыми американскими партнерами*, как любит говорить С. В. Лавров, причем на территории, которая самой природой и историей была создана идеальной для реализации такого сценария. И что в итоге? А в итоге выяснилось, что *управляемым* хаос был два, от силы три месяца, а потом был просто хаос. Хаос, в результате которого в центре Европы возникла воронка, грозящая затянуть в себя не только соседние государства, но и инициаторов хаоса. Кто-то же должен этот хаос оплачивать. Нет, конечно, *по задумке* оплачивать *сетевое государство*, где вертикальные связи полностью уничтожили горизонтальные, должна была Россия, которая, согласитесь, удачно от этой ноши уклонилась. Можно спорить о механизмах этого уклонения, но результат на начало ноября 2014 г. налицо: судя по всему, эксперимент будет оплачивать мирно попивающий пиво немецкий бюргер. И это правильно и высокоморально — тот, кто заварил геополитическую кашу, а заварили ее в Берлине, должен ее и доедать.

Мораль: если *управляемый хаос* перешел в просто хаос в таком знаменательном месте, как Украина, вряд ли эта технология будет успешной в других местах. И чем раньше наши *уважаемые американские партнеры* сменят свою стратегическую концепцию противодействия многополярному миру, тем будет лучше всем. В конечном счете лучше иметь управляемую многополярность, нежели многополярность неуправляемому. И еще, затевая что-то силовое вблизи границ с Россией, всегда интересуйтесь прогнозом погоды на зиму.

ИГИЛ КАК ГЛОБАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН

Собственно, сама по себе история возвышения ИГИЛ ничего интересного не представляет. Обычная американская внешнеполитическая схема, при которой сперва создается некоторая структура, куда делаются некие — в зависимости от целей и возможностей — инвестиции. А затем она объявляется врагом (глобальным или региональным), против которого начинают формировать коалицию из прогрессивного человечества. И что интересно, это каждый раз проходит. Это означает, что *прогрессивное человечество* в массе своей хочет, чтобы американцы его постоянно спасали от разного рода злодеев, которые они же — американцы — и создали. Своего рода глобальный политический *стокгольмский синдром*.

Как и предсказывалось, после того как *Аль-Каида* среднеудачно сыграла роль *мирового злодея*, в мутном информационном потоке появилось нечто новое. Но не одно, а целых три: Эбола, Россия и ИГИЛ. Причем если Эбола и Россия являются вариациями уже давно знакомых *мемов* американской политики, то ИГИЛ и как военно-политический, и как политико-коммуникационный феномен действительно представляет собой нечто новое, что раньше в глобальной политике, во всяком случае в том виде, как мы представляем глобальную политику, не встречалось. Наиболее близкий аналог — талибы, которые внешне вроде бы похожи, но которые всегда стремились держаться в рамках отведенного им государства или его подобия. ИГИЛ, если внимательно присмотреться, совсем про другое. И так:

- ИГИЛ, если разобраться, воюя на Ближнем Востоке к Ближнему Востоку не особенно и привязано. В значительной мере даже его кадровая база — в Пакистане, в Афганистане, в Африке, в Европе, на постсоветском пространстве. Его экономическая база, может быть, и ближневосточного происхождения, но уж точно, не ближневосточной реализации. Встает вопрос: а они, боевики, там в *командировке*? Или их просто собрали в стране, которую *давно не жалко*, чтобы перемолоть? Но ведь кто-то же вернется. Могут и в Россию, где их, кажется, заждались¹⁴, но могут и в Лондон, и в Париж. А в Лондоне, чтобы запалить эту геоэкономическую *воронью слободку* с четырех углов, для начала хватит человек 500.
- ИГИЛ изначально встроился в экономическую систему современного Ближнего Востока, основой которой, как выяснилось в последние годы, было нарастание непрозрачности в торговле углеводородами. Пока преждевременно говорить о существовании *теневого ОПЕК*, но количество негосударственных акторов в торговле углеводородами несколько пугает. Они, конечно, не могут обрушить рынок нефти, о чем говорили некоторые ретивые комментаторы, но то, что они могут оказывать на него значимое влияние, бесспорно. А такое влияние можно оказывать, только обеспечивая безопасность поставок, т.е. имея значимый силовой потенциал и договоренности с транспортниками. Иными словами, в лице ИГИЛ мы имеем не отморожков из сельской бедноты, а людей, которые, как минимум, вписаны в определенные экономические схемы и имеют некие *отношения* в финансовом мире. Иначе говоря, это уже не совсем маргиналы, что и делает их весьма опасными.
- ИГИЛ изначально обозначил своей целью — прямо в названии — стремление к переделу существующих границ Ближнего Востока. А это на сегодняшний момент практически является внешнеполитическим мейнстримом — ровно про то же самое давно говорили в Вашингтоне. Именно про это и была знаменитая американская стратегия *Большого Ближнего Востока*¹⁵. Просто американцы нам не сказали, кто ее будет осуществлять. Думается, именно потому, что в качестве цели было обозначено разрушение существующих границ, ИГИЛ и смог стать лидером среди всех экстремистских организаций в регионе, коих немало. А самое главное, сегодняшнее влияние ИГИЛ пределом явно не является. Собственно, именно поэтому коалиция против ИГИЛ и сформировалась так быстро.
- В действиях ИГИЛ в отличие даже от талибов, особенно после того как они были выгнаны из Кабула, явно обозначается наличие централизованного командования и некоего единого плана. Можно много спорить о степени управляемости ИГИЛ со стороны США, и в данном случае, безусловно, есть некое пространство для конспирологии, однако бесспорным фактом является способность радикалов *дозировать* свои действия в зависимости от международной ситуации. А это свидетельство сравнительно высокого уровня *штабной культуры* и наличия в распоряжении боевиков вполне совершенных управленческих технологий.

Вся проблема с ИГИЛ заключается в том, что *они настоящие...* А не плод пропаганды, как *Аль-Каида*. И не глобализированное фэнтези, как сомалийские пираты. И не продукт интегрированных коммуникаций, как украинские *киборги*. ИГИЛ — настоящие. Это реальная военная, а в перспективе и политическая сила. Причем пока ее воздействие проявляется в относительно безопасной для Запада форме — согласитесь, что, хотя это и звучит цинично, для Запада гораздо выгоднее, чтобы энтузиасты радикального ислама убивали курдов и язидов в Ираке и Сирии, а не англичан в пригородах Лондона. А если лишить неоваххабитов возможности успешно действовать там, в пустынях Ближнего Востока,

вполне возможно, часть их них всплывет в европейских столицах, где взрывного материала хоть отбавляй. Поэтому, думается, война с ИГИЛ будет продолжаться долго. И именно поэтому с осторожностью следует отнестись и к рассуждениям о возникновении некоей *системы домино* на Ближнем Востоке, в которой *падение фишек*, т.е. приход к власти радикально исламистских режимов будет связано именно с деятельностью ИГИЛ¹⁶. ИГИЛ — это прежде всего *процесс*. Поэтому, думаю, мы будем еще долго наблюдать борьбу с ИГИЛ в различных ее проявлениях, но в основном зачитываться материалами о том, что же такое ИГИЛ на самом деле.

АМЕРИКАНСКАЯ РАЗВИЛКА

Не стихают разговоры о закате Американской империи, особенно на просторах российского интернета. Забавные, надо сказать, как в своей антиисторичности, так и в своей цикличности. Конечно, нынешний президент США мало чем напоминает колоссов Pax Americana даже конца XX в., а следующее поколение американских лидеров вообще вызывает определенное беспокойство за их способность адекватно оценивать ресурсы и контекст американской политики. Конечно, экономика, несмотря на признаки реиндустриализации, продолжает демонстрировать весьма значимые уязвимости. Но, объективно говоря, в американской политике и, в том числе, в американской силовой политике далеко не все так критично и трагично. Конечно, полностью поставить под контроль процессы на Ближнем Востоке не удалось, а *арабская весна* постепенно начинает разворачиваться в совсем не комфортном для США направлении, хотя пока никакой трагедии для американских интересов в регионе не заметно. Падение режима ас-Саудов и второе пришествие ваххабизма в Мекку с понятными последствиями еще только маячат на горизонте, и не факт, что этот сценарий реализуется. Конечно, исход противостояния в Восточной Азии еще не ясен, но, с другой стороны, и Китай не проявляет глобальных лидерских качеств, ограничиваясь, как показал ноябрьский Саммит АТЭС, отжиманием у США позиций *по мелочам*. На европейском направлении США, несмотря на все политические и моральные издержки, своего добились, по крайней мере на данном этапе. Так, что *по гамбургскому счету*, несмотря на ерничество иных российских патриотов, США из сложившейся ситуации вышли с *прибытком*. Мы в России за последние полгода смогли оценить масштабы этого успеха, который, если не совершать глупостей космического масштаба, может обеспечить США безбедное доминирование в Европе, причем на средства самих европейцев на следующие 20 лет.

Не будем забывать, что США — единственные в мире — продолжают обладать способностью к глобальному проецированию военной силы, хотя теперь уже не всегда и не везде, да и иных союзников приходится без зазрения совести *сдавать*. Так что, нравится нам это или нет, именно по состоянию, настроению и планам США легче и лучше всего судить о том, в каком направлении будет развиваться система международных отношений и какие вызовы глобальной безопасности станут основными в ближайшее время.

Но на ключевой вопрос США ответа не дали, более того, закрадывается подозрение, что американская элита в принципе на это не способна. Вопрос прост: что должно лежать в основе американского лидерства — военная сила или экономика. Развилка, в том числе связана с тем, что фактор идеологической консолидации (хотя бы и в рамках мифологии *оси зла* — убогая концепция, но свою роль она сыграла) западного мира уже перестает действовать убедительно, даже по сравнению с ситуацией 5–7-летней давности. Очевидно, что, сломав Европу, США сломали и ту идеологическую основу, на которой зиждилось трансатлантическое единство. Которое в действительности было специфической формой идеологии. Да, конечно, оно не уйдет сразу, но значение его будет постоянно падать. Ибо после того, что и как США сделали с Европой в ходе *украинского кризиса*, говорить о каком-то *трансатлантическом партнерстве* просто невозможно. Речь, скорее,

идет об отношениях по линии *метрополия–периферия* с полным идейным подчинением периферии и исчезновением полупериферии. Причем на фоне нарастающего внешнеполитического *креатива* Вашингтона содержательная пустота современной Европы бросается в глаза.

Показательно в данном случае и то, что сперва нашумевшее, а потом быстро забытое выступление Обамы 28 мая 2014 г., в котором он заявил фактически о примате военной мощи, является в действительности отходом от большей части предыдущей традиции. Нет, конечно, можно все списать на известные поведенческие дефекты американского лидера, которому суждено уйти со сцены кем угодно, только не победителем. Однако такие заявления просто лидером не делаются. Они обозначают, именно обозначают, серьезные геополитические задачи и стратегические решения. Естественный вывод из сказанного Обамой (и того что он сказал, и того как он это сказал) заключается в том, что представляемая им группировка в элите видит в качестве основы будущей американской гегемонии именно военную силу и ее политические и экономические производные. Однако это коренным образом противоречит всему тому, что Америка делала на протяжении последних 20 лет. Если отбросить пропагандистские ярлыки про усиление *американской военщины*, мы легко приходим к выводу, что для США военная сила в последние годы была инструментом обеспечения экономических и геэкономических интересов и применялась там и тогда, где не сработали экономические и политические рычаги. А проект *цветных революций* как раз и был предназначен, для того чтобы еще больше отодвинуть порог, за которым США вынуждены будут непосредственно применять военную силу. И надо сказать, кое-что у американцев получилось. Во всяком случае перекройка Ближнего Востока идет пока *малой кровью*, имеется в виду, конечно, американская кровь.

Насколько *доктрина Обамы* превратится в основу американской геополитики, сказать трудно. Вероятнее всего, она так и останется на уровне пропагандистских концептов, как и большая часть того, что исходит от современного Белого дома. Но сам факт готовности к коренному пересмотру основ американской внешней политики очень характерен. Это значит, что в действительности в США осознают глубину проблем США и невозможность сохранения глобальной гегемонии традиционными средствами. С учетом того, что американская элита уже не раз демонстрировала свою готовность к резким и нетрадиционным маневрам и на мировой арене, и внутри страны, к возможному *повороту оверштаг* надо отнестись серьезно.

После ответа на этот вопрос следующая дилемма США: на какой экономической основе надо будет консолидировать новую евроатлантическую Антанту, — выглядит уже глубоко вторичной. Тем более что *сланцевое ярмо* на Европу уже надето. То есть понятно, кто оплатит очередную американскую *военную революцию*. Не понятно другое — кто в случае чего будет за Антанту воевать.

РОССИЯ И КИТАЙ: С ГЛАЗУ НА ГЛАЗ ЛИЦОМ К США

Это может кому-то нравиться или нет, но российско-китайское стратегическое партнерство начинает обретать практические очертания. И оказывать самое непосредственное влияние на глобальную безопасность. Конечно, основой взаимодействия России и Китая является экономика, а еще более точно — стремление нейтрализовать понятные геэкономические и структурные уязвимости. Однако риску предположить, что, помимо геэкономической основы сближения Россия и Китая, есть существенный военно-силовой аспект. Россия сейчас находится на очередном гребне военного могущества, когда перед взорами западных наблюдателей предстала не спивающаяся толпа в серых шинелях с ржавыми танками, а эффективная военная машина. Китай же за последние годы пытался много сделать, для того чтобы произвести на западных комментаторов впечатление своими *военными мускулами*, но не особенно преуспел. То есть все цокали языком,

наблюдая очередные китайские учения, но в глазах таился лукавый смехок. Вероятно, для этого смешка были значительные основания.

Думается, что и наши китайские партнеры узнали про российский военный потенциал много нового за последние девять месяцев. Что, похоже, настроило их на существенно более конструктивный лад в экономических вопросах. Действительно, переговоры по иным экономическим вопросам шли десятилетиями без особого успеха и с нарастанием взаимного недовольства, но вдруг быстро разрешились. Это нельзя объяснить ни кадровыми переменами в Поднебесной, ни обострением ситуации вокруг островов Сенкаку, ни бестактными политическими действиями американской администрации. Думается, наши китайские партнеры впервые увидели в России по-настоящему значимого военно-политического, а значит, и политического игрока, с которым можно выстраивать отношения на долгосрочной системной основе.

Согласитесь, ни Россия, ни Китай в рамках своего сближения практически не упоминали о территориальных спорах в Южно-Китайском море, но в результате наполнения заявленного еще много лет назад стратегического партнерства реальным содержанием, вокруг спорных островов сложилась совершенно новая ситуация, которая, к слову, заставила Японию занять на саммите АТЭС существенную иную позицию, нежели ту, которую ей пытались навязать США.

Проблема российско-китайского партнерства в том, что оно развивается как бы один на один, создавая вокруг партнеров некоторый вакуум. И прежде всего вакуум политический и военно-политический. Едва ли кто-то сейчас может игнорировать Россию и Китай как экономических игроков, но с военно-политической и политической точки зрения не исключены и весьма неприятные утраты. Например, уже сейчас, особенно в последний год, усложнились отношения России и Вьетнама. Не факт, что столь же благополучными будут отношения с Южной Кореей. А нам бы сейчас оченьгодились и отношения с Кореей Северной. Несмотря на хорошие перспективы, наблюдается застой в отношениях с Индией. Да и ОДКБ институционально оказался вытеснен на обочину *большой повестки дня*, причем есть ощущение, что туда же будет дрейфовать и ШОС. Проблема в таком партнерстве, как партнерство России и Китая, в том, что на каком-то этапе начинает казаться, что партнеры не нужны. И это очень глубокая и опасная ошибка.

Особенно учитывая, что КНР при всех улыбках взял Россию в партнеры не для того, чтобы ее усилить и способствовать ее развитию. Мы нужны Пекину, для того чтобы использовать нас в качестве *тарана* против США. И в качестве дополнительного компонента ядерного сдерживания США. Сам по себе Китай не готов к конфронтации с Вашингтоном ни политически, ни военно-политически, ни, тем более, экономически. А как, видимо, думают в Пекине, русским *уже все равно*, что отчасти справедливо. Хотя, конечно, зря Барак Обама на саммите АТЭС так откровенно говорил про неизменное американское лидерство — не надо так *задирать* хозяев.

Многополярный мир предполагает и экономическую многовекторность, которая благодаря западным санкциям все же стала развиваться в России, и военно-политическую. Причем последняя, вероятно, пока еще важнее. А ориентация на Китай как на главного партнера, который может стать со временем единственным, — это не многовекторность и не многополярность, а их суррогаты, которые формируют в нашей политической ментальности очередную опасную иллюзию. Опасную хотя бы тем, что Россия и Китай вне силового компонента — это две слишком разные *весовые категории*, которые могут быть *равными партнерами* только там и тогда, где *на весы* брошена военная сила, прежде всего ракетно-ядерный потенциал. Но на таких весах России очень быгодились и небольшие, а порой и совсем маленькие, *гирьки*.

КАСПИЙСКАЯ КОНСОЛИДАЦИЯ

Активизация политических и экономических процессов вокруг Каспия, безусловно, является очень важным сигналом, причем сигналом относительно недавним. В 2012 г. и даже в начале 2013 г. околокаспийская политика не впечатляла своей динамикой.

В чем была суть событий, венцом которых стало подписание на Каспийском саммите в сентябре 2014 г. соглашения о разделе Каспия? Мировая политика, даже сегодняшняя, даже наполненная многочисленными *генераторами скандалов*, вроде WikiLeaks, все же любит тишину, особенно если это серьезная политика. Вероятно, к началу 2015 г., а может, и раньше, мы должны были стать свидетелями образования нового геополитического узла с выраженным силовым компонентом, причем узла, в котором в отличие от, скажем, Украины или даже спорных островов Сенкаку имеется реально глобально значимое военное, политическое и, особенно, экономическое содержание. И это содержание можно было реализовать немедленно — через поддавливание в *мягкое подбрюшье* и Россию, и Иран, и Казахстан... По сути дела, мог возникнуть новый фронт уже обозначившейся в последние два года борьбы за контроль над Великим шелковым путем.

Теперь ничего этого, скорее всего, не будет. Нет, конечно, попытки расшатать ситуацию в Прикаспии будут продолжаться, равно как и конкуренция между каспийскими странами по частным вопросам, но стратегическое основание из-под них по сути выбито. А главное, почти обнулена силовая составляющая этой возможной конкуренции. Именно это и делалось каспийскими державами *в тишине*, вероятно, не один месяц. Теперь есть объективная возможность реализации крупных геоэкономических проектов на южном направлении, что в действительности крайне важно для России в современной ситуации. В конечном счете если перспективы наполнения экономическим содержанием транспортного коридора *Запад–Восток* в современных условиях стали более сложными, то экономические перспективы коридора *Север–Юг*, напротив, окрасились радужными цветами, учитывая тот факт, что силовая нестабильность на Ближнем Востоке воцарилась надолго.

И это можно считать бесспорной победой России, причем победой стратегической, что бы там ни говорили о тактических уступках Москвы.

Главным победителем в маневрах вокруг Каспия оказался Азербайджан. Баку последние два года двигался с упорством, достойным лучшего применения, к ситуации стратегической изоляции, надеясь на поддержку Турции и Вашингтона. Соглашение о новом режиме использования Каспия демонстрирует существенно иную логику и, как минимум, создает для Баку новое пространство для партнерства. Нет, конечно, пока еще стратегический разворот Баку не совершил и, вероятно, внутреннее сопротивление будет только нарастать — слишком много в Азербайджане за последние годы возникло общественных, да и политических игроков, которые сделали ставку на превращение страны в опорного партнера США в регионе. Слишком завистят они от США. А главное, с учетом нарастающего усложнения отношений США с Турцией просто так отказаться от перспектив военно-политического использования потенциала Азербайджана (а этот потенциал, не надо питать иллюзий, не так мал, как некоторым хочется думать), Вашингтону будет почти невозможно.

Но в любом случае всем внешним игрокам теперь придется иметь дело с новой юридической, а значит, и политической реальностью. А это гораздо лучше, чем если бы анонсированную политическую реальность пытались бы превратить в юридическую.

ФЕЙКОВОЕ ПРОСТРАНСТВА И ГЛОБАЛЬНАЯ СТАБИЛЬНОСТЬ

Фундаментальная особенность последнего года в мировой политике и в вопросах глобальной и региональной безопасности заключается в прорастании реальной

политики, и прежде всего реальной силовой политики, сквозь бурьян политических, информационных и социальных *фейков*. То есть фальшивых, не имевших место, несостоявшихся или содержательно ничтожных процессов, событий и идей. Нынешний глобальной политической и экономической кризис — это шанс, возможно, последний, для того чтобы расчистить пространство мировой политики и экономики от бесчисленных и множачихся *фейков*.

Однако не так все просто: история гражданской войны на Украине показывает, что даже там, где *фейковая* реальность сталкивается с полноценной, реально существующей жизнью, не всегда *фейки* исчезают, а *фейковая* реальность, порожденная интегрированными коммуникациями, начинает жить своей жизнью. Это и произошло на Украине, где разгромленная и разложившаяся украинская армия продолжает успешно перемалывать российские войска, завершая, по состоянию на начало ноября 2014 г., *разгром калмыцкой конницы*. Можно отнести этот феномен на национальную специфику наших соседей, но не все так просто. *Фейковая* политическая реальность, как правило, более комфортна, нежели реальное положение дел, причем как для властей той или иной страны, так и для населения. К тому же, если раньше возможности развития *фейковых* коммуникационных и политических пространств ограничивались недостатком технологий, теперь этих ограничений существенно меньше. Иными словами, *кухня*, на которой в отличие от партсобраний обсуждалась реальная жизнь, тоже становится частью *фейка*. И при этом *фейк* претендует на глобальность так же, если не более агрессивно и успешно, нежели прежняя — не в меньшей степени надуманная — концепция *общечеловеческих ценностей*.

В конечном счете, проблема наших американских партнеров заключается в том, что они, начав плодить политически и военно-политические *фейки* в период *арабской весны*, искренне верили, что эти *фейки* будут плодить только они, то есть что *фейковое* пространство будет развиваться исключительно в том направлении, в каком это нужно США. Отнюдь, теперь *фейки* плодят все. И контролировать этот процесс США уже не могут.

В результате никакой коммуникационной, политической или культурологической разницы между украинскими *киборгами* в аэропорту Донецка, слетающим корейским космонавтом, колоннами российской бронетехники, пересекающими границу с Украиной и взятыми из компьютерных стрелялок, и общечеловеческими ценностями (где главными стали почему-то гомосексуальные браки и гей-парад) нет. Раньше была, а сейчас нет. Расширяющийся мир *фейковой* реальности уравнивал их всех в правах.

Огромное счастье для всего мира, что *фейки*, добравшись до военно-политической сферы (кстати, столь мощное присутствие в этой сфере *фейков* — это прямой результат доминирования в ней процессности), еще не смогли по-настоящему *развернуться* в сфере ядерного сдерживания, хотя такие попытки уже были.

В целом же расширение *фейкового* пространства, которое есть саморасширяющийся феномен, — это тот фактор, который будет подрывать и региональную, и глобальную стабильность. Именно погруженность Евросоюза (и в сильно меньшей степени США) в произведенные украинскими политиками *фейки* привела к большой крови на Донбассе. Именно погруженность американской и японской элит в произведенные ими же самими *фейки* препятствует тому, чтобы трезво посмотреть на ситуацию в Восточной Азии. И увидеть бездну.

В 1970-е гг. была модной тема несанкционированного, *случайного* (мы теперь понимаем, что *случайного* в силовой сфере не бывает ничего) начала ядерной войны. Много было по этому поводу написано, а еще больше придумано. Но только в последние полгода нам стало окончательно ясно, кто может начать такую войну. Случайная война, в том числе с применением компонентов ОМУ, на которую не решился по-настоящему ни один диктатор эпохи модерна, стано-

вится реальностью в эпоху угара постмодерна. И это по настоящему пугает: когда война вроде бы фейковая, а кровь и погибшие настоящие.

Так что залог успешности в обеспечении мировой стабильности на обозримую перспективу в том, чтобы в борьбе с похужшими фейками не наплодить новых.

Дмитрий Евстафьев

Примечания

¹ «Эпоха тревоги» (The age of anxiety) — название одной из наиболее известных поэм В. Х. Одена (Wystan Hugh Auden). Выдающийся композитор и дирижер Леонард Бернштейн написал своего рода музыкальную версию этой поэмы, известную так же как симфония № 2.

² *Рубини: как долго экономика сможет лететь на одном двигателе. Liga.net.* 2014, 4 ноября, http://www.liga.net/opinion/208666_rubini-kak-dolgo-ekonomika-smozhet-letet-na-odnom-dvigatеле.htm (последнее посещение — 24 ноября 2014 г.).

³ Li Keqiang. *Inclusive Development: A Better World for All.* Full Text of Chinese Premier Li Keqiang's speech to British think tanks. *Xinhua.* 2014, 21 June, http://news.xinhuanet.com/english/china/2014-06/21/c_133426262_2.htm (последнее посещение — 24 ноября 2014 г.).

⁴ Mark Whitehouse. Is China's Bubble the Next Financial Crisis? *Bloomberg View.* October 9, 2014, <http://www.bloombergvew.com/articles/2014-10-09/is-china-s-bubble-the-next-financial-crisis> (последнее посещение — 24 ноября 2014 г.).

⁵ Финансовый кризис в Китае становится очевидным. *The Epoch Times.* 2014, 30 октября, <http://www.epochtimes.ru/finansovyj-krizis-v-kitae-stanovitsya-ochevidnym-98949883/> (последнее посещение — 24 ноября 2014 г.).

⁶ Didi Kirsten Tatlow. Despite Poverty Efforts, China Still Faces Income Gap. *Sinosphere. The New York Times.* 2014, 17 October, http://sinosphere.blogs.nytimes.com/2014/10/17/despite-poverty-efforts-china-still-faces-wealth-gap/?_r=0 (последнее посещение — 24 ноября 2014 г.).

⁷ Adam Sieminski, EIA Administrator. Outlook for U. S. shale oil and gas. IAEE/AEA Meeting. 2014, 4 January. Philadelphia, PA. Slide 4.

⁸ Программа количественного смягчения (quantitative easing, или QE) предполагает покупку Федеральной резервной системой государственных облигаций США и других ценных бумаг, обеспечивая таким образом приток денег в экономику. Поскольку рост ВВП США во II квартале 2014 г. в годовом исчислении достиг 4,6%, ФРС приняла решение о прекращении QE, что замедляет рост и снижает спрос на энергоресурсы.

⁹ Chip Register. As Saudis Target Shale Industry, U. S. Considers a Response. *Forbes.* 2014, 7 November, <http://www.forbes.com/sites/chipregister1/2014/11/07/as-saudis-target-shale-industry-u-s-considers-a-response/> (последнее посещение — 24 ноября 2014 г.).

¹⁰ Simon Falush. Oil price slump yet to hit US shale oil production: IEA chief. *Reuters.* 2014, 13 October, <http://www.reuters.com/article/2014/10/13/us-shaleoil-energy-brokeven-idUSKCN0121GG20141013> (последнее посещение — 24 ноября 2014 г.).

¹¹ Прогноз развития энергетики мира и России до 2035 г. Прогноз по СПГ. Семинар в ИМЭМО РАН. Москва. 31 мая 2012 г. Слайды 7 и 16, http://www.imemo.ru/ru/conf/2012/31052012/31052012_MSI.pdf (последнее посещение — 24 ноября 2014 г.).

¹² Иванов Н. А., Ревенков В. И., Фейгин В. И. Рынок сжиженного природного газа: мир и Россия. Институт энергетики и финансов. Семинар в ИМЭМО РАН. Москва. 31 мая 2012 г. Слайд 28, http://www.imemo.ru/ru/conf/2012/31052012/31052012_FVI.pdf (последнее посещение — 24 ноября 2014 г.).

¹³ Чернов Михаил. Россия выйдет на границы Армении. *Лента.ру.* 2014, 7 ноября, <http://lenta.ru/articles/2014/11/07/russianarm/> (последнее посещение — 24 ноября 2014 г.).

¹⁴ См.: Горовой Руслан. Джихад для России. *Интернет-портал Версия*. 2014, 15 августа, http://versia.ru/articles/2014/sep/15/dzihad_dlya_rossii (последнее посещение — 24 ноября 2014 г.).

¹⁵ Взгляды по данной проблеме автором высказаны более подробно в статье Евстафьев Дмитрий. Хаос не по плану. *Gazeta.ru*. 2014, 26 августа, http://www.gazeta.ru/comments/2014/08/25_a_6189749.shtml (последнее посещение — 24 ноября 2014 г.). Автор также хотел бы обратить внимание, что американская стратегия не предусматривала изначально, но привела к глубокой социальной деструкции обществ стран Ближнего Востока, которая стала дополнительным фактором перекройки границ.

¹⁶ Например, вряд ли таковым можно будет считать возможную смену политического режима в Йемене, да и, в целом, перекройку политико-институциональной конструкции данного государства, которое при определенных условиях может стать весьма важным. См.: Об изменениях в военно-политической обстановке на Ближнем Востоке и в Северной Африке (3–9 ноября 2014 г.). Институт Ближнего Востока. 10 ноября 2014 г. <http://www.iimes.ru/?p=22501> (последнее посещение — 24 ноября 2014 г.).